

УДК 81'33 : 343.148(075.8)

## О НЕКОТОРЫХ ТАБУ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТОВ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

**А. А. Кирдун**

*Белорусский государственный технологический университет,  
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь, allakirdun@belstu.by*

В статье отмечается, что в Беларуси в сфере судебной лингвистической экспертизы (СЛЭ) пока нет баланса между ее востребованностью и степенью проработки всех этапов ее проведения; описываются наиболее грубые нарушения в части собственно лингвистического исследования и впервые формулируются соответствующие табу, перечень которых значим для совершенствования научно-методического обеспечения СЛЭ и оценки заключения эксперта-лингвиста.

**Ключевые слова:** судебная лингвистическая экспертиза; лингвистические методы; заключение эксперта; компетенция эксперта-лингвиста; экспертная ошибка; табу, спорный текст.

## ABOUT SOME TABOOS IN THE STUDY OF TEXTS IN THE FRAMEWORK OF FORENSIC EXAMINATION

**A. A. Kirdun**

*Belarusian State Technological University,  
Sverdlova St., 13a, 220006, Minsk, Belarus, allakirdun@belstu.by*

The article notes that in Belarus, in the field of forensic linguistic expertise (FLE), there is still no balance between its relevance and the degree of elaboration of all stages of its implementation; the most gross violations in terms of linguistic research proper are described and for the first time the relevant taboos are formulated, the list of which is significant for improving the scientific and methodological provision of FLE and evaluating the expert's conclusion- a linguist.

**Keywords:** forensic linguistic examination; linguistic methods; expert's opinion; competence of a linguist expert; expert error; taboo; disputed text.

При расследовании или судебном разбирательстве дел, в рамках которых требуется исследование вербальных или поликодовых текстов, одним из способов получения информации, значимой для их юридической оценки, является судебная лингвистическая экспертиза (далее – СЛЭ). Следует отметить, что за рубежом (как в Западной Европе, США, так и на постсоветском пространстве) СЛЭ – это непрерывно развивающаяся уже более 40 лет прикладная область лингвистики [1, с. 119–120].

В частности, в Российской Федерации к настоящему моменту не только выполнены сотни тысяч заключений экспертов-лингвистов, но и написаны десятки монографий и бесчисленное количество научных статей, посвященных различным проблемным аспектам СЛЭ, а в судебно-экспертных учреждениях разработаны и уже внедрены в экспертную практику методики по некоторым ее видам; отводится место и таким процедурам, как обобщение практики производства СЛЭ и рецензирование заключений экспертов.

В Республике Беларусь СЛЭ только недавно получила закрепление *de-jure*, т. е. теперь она включена в официальный перечень родов и видов экспертиз, выполняемых в экспертных организациях (учреждениях). Кроме того, СЛЭ в разовом порядке может поручаться и лингвистам (как правило, имеющим степень кандидата или доктора филологических наук), не являющимся сотрудниками судебно-экспертной организации (см. ст. 231 УПК Республики Беларусь или ст. 11.13 ПИКоАП Республики Беларусь). Вместе с тем в Беларуси развитие СЛЭ все еще остается несбалансированным по соотношению складывающейся практики назначения, проведения, оценки и степени научно-теоретической и методической проработки каждого из указанных ее этапов. «В числе следствий такой несбалансированности – наличие двух крайне негативных, но при этом противоположных тенденций: а) постановка инициаторами СЛЭ вопросов и, соответственно, формулирование экспертами выводов, выходящих за пределы знаний в области лингвистики, а также использование на этапе экспертного исследования метода интроспекции как основного; б) минимизация компетенции эксперта-лингвиста, ограничение ее только констатацией выявленных в исследуемом речевом произведении языковых фактов и отказ от их оценки на предмет релевантности / нерелевантности для вербального преступления» [2, с. 570]. И в первом, и во втором случае «страдает» основная цель назначения судебной экспертизы – получение *объективных и достоверных* данных по делу.

В основе обозначенных тенденций в производстве СЛЭ лежат экспертные ошибки, под которыми понимаются «не соответствующие объективной действительности суждения эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, являющиеся результатом добросовестного заблуждения» [3, с. 157]. Экспертные ошибки весьма различны по своему характеру и природе [4], но применительно к СЛЭ особую актуальность имеет разбор тех, что возникают именно в части собственно лингвистического исследования. В научно-методической литературе по СЛЭ эта проблема уже получала освещение, однако, по нашему мнению, репрезентация нарушений как общих принципов [5], так и конкретных правил, приемов проведения лингвистического анализа спорных текстов и отражения его результатов в заключении эксперта (специалиста), должна осуществляться с определенной периодичностью,

и, возможно, таким образом будет достигнута цель профилактики хотя бы наиболее грубых экспертных ошибок. К грубым относим такие ошибки, которые затрагивают либо область базовых специальных знаний о языке и речи, либо методологические первоосновы экспертного исследования.

В качестве иллюстративного материала рассмотрим примеры, выбранные из заключений специалистов и заключений экспертов, тексты которых были доступны автору в связи с выполнением НИР, проведением повторных и дополнительных СЛЭ, консультированием в судебном заседании или в рамках работы Республиканской экспертной комиссии по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма. По этическим соображениям кейсы описываются без деталей, привязывающих их к конкретному делу, эксперту или экспертной организации.

Первый кейс, на который следует обратить внимание, связан с языком экспертируемого спорного текста, лексикографических и справочных источников, используемых в ходе анализа этого текста, и специальностью эксперта-лингвиста. Нормативной является ситуация, при которой в момент СЛЭ обеспечивается триединство перечисленных компонентов. Например, при анализе русскоязычного текста привлекаются русскоязычные словари и справочники, а сама процедура анализа осуществляется экспертом с базовым филологическим образованием по специальности «русский язык». Отсутствие подобного триединства – это почва для ошибочных экспликаций смыслов, выраженных в тексте. Приведем два крайне негативных примера исследования белорусскоязычных текстов специалистами, не владеющими белорусским языком: 1) осуществление дефиниционного анализа с опорой на толковые словари русского языка; 2) проведение исследования не по оригинальному, а по переведенному на русский язык тексту. Разумеется, что и в первом случае, когда единице одного языка приписывается значение единицы другого языка (пусть и близкородственного), и во втором случае, когда происходит полная подмена объекта исследования (что может подлежать даже юридической ответственности), говорить о достоверности экспликации выраженных смыслов в спорном тексте не приходится. Заметим, что в обоих случаях не имеет никакого значения, обозначил эксперт в заключении целесообразность своих действий или нет: они не могут иметь места ни при каких обстоятельствах. Недопустимой является и ситуация, когда эксперт – специалист в области русского (белорусского) языка – соглашается отвечать на вопросы, требующие знаний в области иностранных языков.

Следующий кейс относится к вопросу синхронности лексикографических и справочных источников и экспертируемого спорного текста. В СЛЭ, как, впрочем, и в любом другом научном лингвистическом ис-

следовании, действует принцип опоры на авторитетные справочники и грамматики с учетом времени их разработки и издания. Среди следствий игнорирования этого принципа – псевдоаргументированность и псевдообоснованность выводов. Приведем два ярких примера.

1) В заключении специалиста, доктора филологических наук, анализировалась публикация о современной Беларуси. Один из вопросов, поставленный на разрешение специалиста по спорному тексту, содержал задание ответить, существует ли в современной языковой науке однозначная точка зрения на то, является ли белорусский язык диалектом, наречием, говором русского языка или самостоятельным языком. Вывод специалиста был следующим (выделения выполнены нами): *«Нет. В современной языковой науке существуют различные, в том числе прямо противоположные, точки зрения на то, является ли белорусский язык диалектом, наречием, говором русского (великорусского) языка, либо это самостоятельный язык <...> В анализируемой публикации автор придерживается бытующей в литературных источниках точки зрения, что белорусский язык – это белорусское наречие (диалект), на котором говорят белорусы, по фонетике и морфологии является ветвью акающего южно-великорусского говора»*. При этом вывод был сопровожден ссылкой на «Энциклопедический словарь. Современная версия» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Никаких иных авторитетных современных лингвистических источников, в которых бы утверждалось или было доказано, что белорусский язык является диалектом (наречием) русского (великорусского) языка, в заключении специалиста не приводилось. Словарь же, на который была сделана ссылка, – переиздание универсальной энциклопедии, созданной в Российской империи в 1890–1907 гг., т. е. источника, отражающего представления о реалиях более чем 100-летней давности. Говоря о существовании различных точек зрения на белорусский язык, специалист привел только одну из них и не указал иную точку зрения, которая является общепризнанной и единственной в современном научном сообществе. Суд справедливо не принял во внимание выводы, сделанные специалистом в заключении.

При установлении и верификации значения слова, употребленного в современном спорном тексте, недопустимо использовать «Толковый словарь русского языка» В. И. Даля, который отражает состояние русского языка 200-летней давности; «Слоўнік беларускай мовы» И. И. Носовича, созданный в XIX веке; «Гістарычны слоўнік беларускай мовы», отражающий лексический состав старобелорусского языка; и под.

2) В ходе исследования спорного белорусскоязычного текста специалист сфокусировал внимание на употребленных автором лексемах *жыды*, *жыдоўскі*. Указав, что эти единицы в современных толковых словарях белорусского языка отсутствуют, специалист обратился к словарям,

размещенным на интернет-ресурсах, и исходя из содержащейся в них информации заключил, что в спорном тексте с помощью лексемы *жыды* выражена уничижительная оценка евреев. В рамках дополнительной экспертизы было установлено, что спорный текст представляет собой фрагмент публикации 1908 г., осуществленной в первой массовой газете «Наша Ніва». Как известно, в тот период этноним *жыды* являлся нейтральным, свободно использовался в публицистической литературе (см., например, выданную в 1918 г. книгу Змитрока Бядули «Жыды на Беларусі. Бытавыя штрыхі»), негативные коннотации лексема приобрела только во второй половине XX столетия.

Осторожности в экспертных суждениях требует и оним *маскаль*, который в разные исторические периоды в белорусскоязычных текстах мог соотноситься с разными денотатами и использоваться с пейоративной окраской или не иметь таковой, например: *маскаль* – 1) ‘салдат царскага войска’; 2) ‘чыноўнік, які прыехаў кіраваць далучанымі да Расіі беларускімі або ўкраінскімі землямі’; 3) ‘рускі купец’; 4) ‘рускі па нацыянальнасці чалавек’; 5) ‘жыхар Расіі’; 6) ‘жыхар Масквы’; и мн. др. Установление того, какое именно значение актуализируют подобные слова, обязательно должно предвлекаться выяснением времени создания текста и соответствующим выбором справочного источника.

Еще один важный кейс связан с частнонаучными методами семантических исследований в рамках СЛЭ. Выше была отмечена исключительная важность правильного использования словарей в работе эксперта. Словарный метод применяется для таких задач, как установление значения слова, не ясного из контекста; экспликация контекстуально значимого аспекта значения слова; установление оценочной составляющей в значении; установление неузуального значения слова и др. «Однако, опираясь на словарь, эксперту следует помнить, что контекстуальное значение слова первично, и не подменять его анализ анализом соответствующей словарной статьи» [6, с. 39]. К сожалению, на практике частотны случаи, когда в заключении эксперта указывается, что в ходе исследования применялся ряд методов (например, компонентный анализ, семантико-синтаксический, лексико-семантический и др.), однако далее все семантическое исследование сводится к выписыванию слов из экспертируемого текста и приведению для них «подходящих» значений из словарей. Словарные определения приводятся даже для слов, значение которых в тексте ясно и однозначно (*милиция, люди, нечестный, все* и под.). При этом совершаются две грубейшие ошибки: 1) не распознаются фразеологические единицы (например, вместо дисфемистичного сочетания *шкура продажная* эксперты выписали отдельные компоненты, приводя для каждого его словарное определение); 2) из словарной статьи приводятся все значения, свойственные слову, а не то конкретное, в котором это слово реализовано в тексте.

Таким образом, для каждого специалиста, приступающего к исследованию того или иного текста в рамках СЛЭ, должны быть табу: использование в ходе лингвистического анализа лексикографических и справочных источников, язык которых отличен от языка экспертируемого текста; замена оригинального текста – объекта конкретной СЛЭ – на его перевод; использование устаревших источников для созданных на современном этапе текстов; проведение анализа текста без выяснения времени его создания; указание методов, которые в тексте заключения в действительности не применяются; подмена семантических исследований каким-либо одним методом или подмена одного метода другим.

В заключение отметим, что в настоящем материале приведена небольшая часть кейсов, отражающих проблемные зоны в исследовании текстов в рамках СЛЭ. Формулирование обозначенных проблем в виде лаконичных запретов призвано упростить всем субъектам экспертной деятельности идентификацию недопустимых экспертных действий. Перечень этих запретов, как представляется, значим для совершенствования научно-методического обеспечения СЛЭ в Беларуси, а также может быть использован при дифференциации добросовестного заблуждения эксперта и заведомо ложного заключения эксперта.

### Библиографические ссылки

1. Андреева А. В., Габа Т. Е. Судебная лингвистическая экспертиза за рубежом (на примере США) // Информационный бюллетень Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. 2016. № 1. С. 119–125.
2. Кирдун А. А. К вопросу о сущности судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по делам, связанным с противодействием вербальному экстремизму // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов VIII Междунар. науч.-практич. конф. (23 апр. 2020 года) / редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. институт МВД, 2020. С. 570–573.
3. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Бек, 1997.
4. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М. : Проспект, 2014.
5. Кузнецов В. О. Принципы судебно-экспертного лингвистического исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 3. С. 80–86.
6. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А. М. Плотникова и [др.]; Министерство юстиции Рос. Федерации, ФБУ Рос. федер. центр судеб. экспертизы. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.